

УДК 141.131

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-3-9-18

Несколько замечаний о Вяч. Иванове, Вл. Эрне и Гр. Сквороде. Возвращаясь к теме устойчивости платонических символов

Олег В. Марченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, o.v.marchenko@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается зеркальная символика, присутствующая в сочинениях украинского философа XVIII века Г.С. Сквороды и русских писателей и мыслителей XX века Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, Вяч. Иванова, В.Ф. Эрн. Отправляясь от одного из фрагментов воспоминаний об отце Л.В. Ивановой, исследователь показывает существенное сходство символики в текстах названных авторов. Что объясняется причастностью их к единой платонической и неоплатонической традиции. Речь во всех случаях идет о проблематике платоновского эйдоса и его материальных воплощений. Вместе с тем проясняется и смысловая специфика каждого из рассмотренных зеркальных символов. Для прояснения ряда деталей автор обращается к экземпляру сочинений Г.С. Сквороды 1894 г., которым пользовался В.Ф. Эрн и где сохранились его пометы и замечания на полях.

Ключевые слова: символ, зеркало, платонизм, Г.С. Скворода, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. Иванов, В.Ф. Эрн, Л.В. Иванова

Для цитирования: *Марченко О.В.* Несколько замечаний о Вяч. Иванове, Вл. Эрне и Гр. Сквороде. Возвращаясь к теме устойчивости платонических символов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3 (13). С. 9–18. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-3-9-18

A few comments on Vyacheslav Ivanov,
Vladimir Ern and Gryhorii Skovoroda.
Returning to the topic of stability
of Platonic symbols

Oleg V. Marchenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
o.v.marchenko@mail.ru

Abstract. The article considers the mirror symbols that is present in the works of the 18th century Ukrainian philosopher G.S. Skovoroda and the Russian writers and thinkers of 20th century: L.D. Zinovieva-Annibal, Vyach. Ivanov, V.F. Ern. Basing on a fragment from L.V. Ivanova's memoirs about her father, the researcher shows a significant similarity of symbols in the texts of the above authors. That can be explained by their involment in the common Platonic and Neoplatonic traditions. In all cases it is about the problems of Plato's Eidos and its material incarnations. At the same time, the semantic specificity of each of the considered mirror symbols is also clarified. To clarify some of the details the author refers to a copy of G.S. Skovoroda works of 1894, which was used by V.F. Ern and which keeps his notes and comments in margins.

Keywords: symbol, mirror, Platonism, G.S. Skovoroda, L.D. Zinoviev-Annibal, Vyach. Ivanov, V.F. Ern, L.V. Ivanova

For citation: Marchenko OV. A few comments on Vyacheslav Ivanov, Vladimir Ern and Gryhorii Skovoroda. Returning to the topic of stability of Platonic symbols. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;3(13):9-18. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-3-9-18

Читатели «Воспоминаний» Лидии Ивановой обратили, возможно, внимание на один из начальных эпизодов, где Лидия рассказывает, как она, десятилетняя, сделала маме подарок ко дню рождения.

...Мама писала повесть, называвшуюся «Тридцать три уroda». Ко дню рождения мамы я вырезала из бумаги 33 фигурки, сшила их в виде маленькой тетрадки, преподнесла маме с надписью и вопрошала: не могут ли 33 уroda образовать одного красавца? Я помню, что эта

мысль позабавила взрослых и, к моей гордости, возбудила у них целую дискуссию [1 с. 15].

Дискуссия, которую затеяли взрослые, восходит едва ли не к началу европейской рефлексии о сущности прекрасного и природе художественного творчества. Возможно, речь в разговоре взрослых шла и о художнике Зёвксисе из Гераклеи, пред которым стояла нелегкая задача создания живописного образа Елены Прекрасной. Как известно, еще Гомер, понимая колоссальную трудность задачи, в рамках словесного искусства решил ее великолепным приемом, дав читателю представление о неопишуемой красоте Елены Спартанской через передачу производимой этой красотой впечатления:

Старцы народа сидели на Скейской возвышенной башне,
Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
Сильные словом, цикадам подобные, кои по роцам,
Сидя на ветвях деревьев, разливают голос их звонкий:
Сонм таковых илионских старейшин собрался на башне.
Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:
«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотой подобна!
Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Элладу:
Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!
(III 149–159, пер. Н.И. Гнедича [2 с. 41]).

В изобразительном искусстве эта тема должна была решаться иначе. По преданию, Зёвксис создал живописный образ Елены Прекрасной, собрав прекраснейшее с живой внешности пяти прекрасных кротонских девушек.

Не исключено, что взрослые вспомнили и пародийно-сниженный вариант рассказа о решении древнегреческого художника, а именно в гоголевской «Женитьбе» (действие второе, явление I): «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича – я бы тогда тотчас же решилась», – заключает Агафья Тихоновна [3 с. 123].

Если бы при этом разговоре присутствовал Владимир Эрн, в реальности – один из любимейших друзей и собеседников этой семьи, в том числе и Лидии, только несколько позднее («С Эрном я очень

дружила. Позже, в Москве, я провела зимний сезон 1916–1917 с Эрнами, которые жили у нас на Зубовском бульваре и как бы совсем вошли в нашу семью. Иной раз мы говорили с ним об очень задушевных проблемах, а иной раз, к восхищению его маленькой дочки Ирины, предпринимали ярые сражения диванными подушками» [1 с. 52]), так вот, если бы при этом разговоре присутствовал Эрн, он бы припомнил подобное место и у Григория Сковороды. В прекрасном диалоге «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» (Разговор дружеский о душевном мире), который Григорий Саввич написал в 1770-х годах, читаем:

Григорий. ...Чего вы себе в жизни паче всего желаете?

Яков. Ты будто муравейник палкою покопал – так вдруг сим вопросом взволновались наши желания.

Афанасий. Я бы желал быть человеком высокочиновным, дабы мои под-командные были крепки, как россиане, а добросердечны, как древнии римляне; когда б у меня дом был как в Венеции, а сад как во Флоренции; чтоб быть мне и разумным, и учоным, и благородным, богатым <...> как жид, дюжим как бык, пригожим как Венера, спокойным как однодворец...

Яков. Взшла мне на память Венера, так называемая собачка.

Григорий. Позвольте, государь мой, прибавить?

Яков. Хвостатым как лев, головатым как медведь, ухатым как осел...

Григорий. Сумнительно, чтоб войти могли во уши Божия столь безтолковии желания; ты, с твоими затеями, похож на вербу, которая быть желает в одно время и дубом, и кленом, и липою, и березою, и смоквиною, и маслиною, и явором, и фиником, и розою, и рутою, солнцем и луною... Хвостом и головою... [4 с. 82; 5 с. 503].

Как выглядели эти 33 человечка Лидии? Каждый был создан по отдельности? Или это было что-то вроде гирлянды? Похоже, она сложила вместе несколько листов и ножницами вырезала одну фигурку, тиражом в 33 экземпляра. Затем сшила экземпляры «тиража» ниткой, чтобы получилась тетрадь. В любом случае, рукотворная иллюстрация эта отсылает к вполне конкретному месту повести «Тридцать три урода» (1907). Узловая сцена этого сочинения такова: героиня, неназванная по имени прекрасная молодая женщина, принимает предложение позировать тридцати трем художникам. Понятно, что они смотрят на нее не только глазами созидателей художественных ценностей, но и глазами мужчин. Иными словами, их влечет к ней и Эрот, сын Афродиты Урании,

и Эрот, сын Афродиты Пандемос. Если использовать новозаветную стилистику, они прелюбодействуют с нею в сердце своем. Потому и получают на их полотнах «любовницы». Героиня видит результаты их труда – и не узнает себя: тридцать три уroda! Но когда смотрит повторно, то вынуждена признать: это – она, и – не она, а все же – она (тридцать три царицы). Философскую экспликацию этой символики находим в предисловии Вяч. Иванова к предполагаемому переизданию повести (по-видимому, 1918–1921 [6]).

Нужно заметить, однако, что в этой важнейшей сцене повести речь идет не о той проблематике, которая была задана рукоде-лием маленькой Лидии, ее вопросом и последующей взрослой дискуссией: могут ли 33 уroda составить одного красавца? Или пять кротонских девушек-моделей посредством волшебной кисти Зéвксиса – Елену Троянскую. Или идеального жениха в добрачных воздыханиях гоголевской Агафьи Тихоновны. Речь о другом: красавица – героиня повести – уже есть, а художники, которым она позирует, создают 33 ее портрета, 33 зеркальных отражения, 33 уroda.

Обратившись к Григорию Сковороде, нужно заметить, что в текстах последнего присутствует фрагмент, где именно эта конфигурация образца-архетипа и отражений-копий дана чрезвычайно впечатляюще. В сочинении «Диалог или Разглагол о древнем мире» находим символ зеркала – материи-μῆ ὄν: «...Вели поставить вокруг себе сотню зеркал венцом. В то время увидишь, что один твой телесный болван владеет сотнею видов, от единого его зависящих. А как только отнять зеркала, вдруг все копии сокрываются во своей исконности, или оригинале, будто ветвы в зерне своем. Однако же телесный наш болван и сам есть едина токмо тень истинного человека. Сия тварь, будто обезьяна, образует лицевидным деянием невидимую и присносущную силу и божество того человека, коего все наши болваны суть аки бы зеркаловидныя тени, то являющиеся, то ищезающие при том, как истина Господня стоит неподвижна во веки, утвердившая адамантово свое лице, вмещающее бесчисленный песок наших теней, протираемых из вездесущаго и неисчерпаемаго недра ея бесконечно» [4 с. 52; 5 с. 481].

Все это общеплатоническая проблематика, – и позирующая живописцам красавица у Лидии Зиновьевой-Аннибал, и сковородиновский человек, отражающийся в поставленных венцом зеркалах. Это эйдос – и множество его воплощений, 33 уroda, бесчисленный песок его подобий.

Что касается Вяч. Иванова, то в своем предисловии к предполагаемому переизданию повести «Тридцать три уroda» он опирается на идею «метафизического эха» своего друга Владимира Эрна

(в его работах «Природа мысли» и «Природа научной мысли», с неперенной отсылкой к Г. Сковороде): под «рационалистическим» взглядом Природа, живое бытие, предстает бездушным механизмом, механической *маской*. «Познание человека подчинено принципу *метафизического эха*. Оно обусловлено онтологией его собственного, субъектного личного бытия. <...> Как аукнется в субъектном бытии человека, так откликается и в многочисленных сферах познаний его, из совокупности которых слагается для него картина мира» [7 с. 813]¹. Идея эта подкрепляла, оттеняла и углубляла собственные, вдохновленные некоторыми идеями их общего учителя В.С. Соловьева, настойчивые размышления Вяч. Иванова о *зеркальности* познания и бытия («Человек, в тварном сознании зависимости познавания своего от некоей данности, кажется себе самому похожим на живое зеркало» и т. д. [10 с. 303]). Идея метафизического эха подается Эрном в очень близком Вяч. Иванову софиологическом ключе (и опять с неперенной отсылкой к Г. Сковороде).

Символическое повествование раскрывает общий закон нисхождения божественной сущности в условное бытие (мэон) искаженного, искажающего мира, – пишет Вяч. Иванов. – В этой жертвенности истинно сущего животворящее назначение. Все вещи и суть лишь постольку, поскольку они причастны истинно сущему – платоновской Идее; иначе им было бы отказано даже в условном и относительном бытии. И каждая из тех «любовниц» все же и «Царица». «Тридцать три любовницы, – тридцать три Царицы». Тому же закону нисхождения подчинена Вечная Женственность, как в ипостаси Красоты, так и в другой своей ипостаси – Души Мира, тело которой мы зовем Природою. И как юная красавица повести делается тем, чего от нее ждут, – подобно тому и Природа в своем явлении предстает нам такою, какою вызывает ее человеческий дух: как эхо, откликается она ему на языке обрацаемых к ней заклинаний [6 с. 441].

И далее следует очень важное примечание, составляющее $\frac{1}{10}$ ивановского текста, которое целесообразно здесь воспроизвести: «Так учил о “Вселенском эхо” Вл. Эрн, философ Платоновой церкви в теснейшем и внутреннейшем значении этого слова, – рано ушедший близкий друг как пишущего эти строки, так и автора изучаемой повести. С изумительною силою и зоркостью

¹ Важность этой идеи для общей концепции Эрна подчеркнута в работах: [8; 9].

узрения характеризует он, в исследовании “О природе научной мысли” (1914 г.), последнее превращение Природы в зависимости от направления испытующего ее человеческого ума: “По закону метафизического эхо, на основной зов новой истории вселенная должна была ответить соответствующим эхом: раскинуться под сознанием человека бездушно-безжалостным призраком механизма, и иллюзия, которой возжелал человек, должна была стать, говоря по-кантовски, объективной, т. е. потенциально-всеобщей... Поистине беспредельным и достойным безмерного удивления нам представляется разум божественный не потому, что вселенная имеет конструкцию бесконечно-сложного механизма, а потому что вселенная, будучи божественной поэмой и ничего общего не имея в онтологическом порядке с механизмом, обладает в своей неизмеримой многосторонности тою *пластичностью* и тою *отзвучностью*, которая позволяет Космосу в определенный эон истории обернуться механизмом, *прикинуться* беспредельною машиной – и сделать это с такою артистичностью, что разум человеческий, находящийся под властью низших понятий и рассуждений, под схемою механизма, не может ни в одном пункте мира найти перерыв и выйти из замкнутой сферы мертвой причинности... В непроницаемых глубинах заложена возможность вселенской механистической *маски*, т. е. возможность для мира предстать перед насильственными методами рационалистической мысли беспредельным механизмом, так, что все естествознание при этом допущении может исследовать не строение мира, как такового, а лишь сложное и невероятно искусное строение вселенской маски” [6 с. 441. См. также: 11 с. 44–45]. Идею эту развивали П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, и особенно – А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа».

Вяч. Иванова и Эрна в зеркальной символике интересуется прежде всего проблематика *обменного взгляда*, герменевтическое преломление закона метафизического эха, взаимосвязанности и взаимозависимости, координации *самопонимания – вопрошания* – и соответствующих *личины-облика-лика* познаваемого предмета, в данном случае – Природы [12]. И все вместе это опирается на парменидовско-платоновскую модель *круглого мышления*, модифицированную неоплатоническую триадой *пребывание – исхождение – возвращение* (μονή – πρόβδος – ἐπιστροφή) [13; 14; 15].

Если говорить об украинском мыслителе XVIII в., то в его тексте («...Вели поставити вкруг себя сотню зеркал венцом...») зеркало как элемент иконичного конструирования Сковородой философской модели бытия представляет проблематику отражения идеи (εἶδος) в материи, когда первая утрачивает собственное совершенство

и вследствие потери самоидентичности распадается на «бесчисленный песок» подобий, отблесков (плотиновское εἶδωλον). Существенно, что вся проблематика эманационного зеркального отображения имеет у Сковороды экзистенциальную сверхзадачу, будучи переносима в плоскость диалектики «Я – не-Я». Мир (совокупность страстей) предстает во всех своих проявлениях расставленными «венцом» зеркалами, которые отображают самого мудреца, а точнее – творящуюся в нем самую борьбу между разумом (λόγος) и страстями. В сознании же неразумного человека такая инвертированная модель эманационного зеркального отражения предстает как бы «опрокинутой»: здесь господствует обратная перспектива, своего рода зеркальная инверсия, когда, по слову Григория Нисского, греховный разум человека, вместо того чтобы отображать вечное, отображает в себе бесформенную материю².

Соотносили ли Вяч. Иванов и Вл. Эрн процитированный сквородиновский фрагмент о расставленных венцом зеркалах со сценой позирования красавицы ЗЗ художникам? Ответить на этот вопрос сейчас не представляется возможным. Фактом тем не менее является то, что роскошная цитата из «Диалога о древнем мире» не приводится в книге Эрн о Сковороде 1912 г. Но не исключено, что, будучи вместе в Риме в начале 1910-х годов (а именно там Эрн дописывал свою книгу), вспоминая былое, ушедшую Зиновьеву-Аннибал и многое другое, друзья, да и повзрослевшая Лидия, отметили в давно известном какие-то новые черты. Во всяком случае, в эрновском экземпляре Сочинений Г.С. Сковороды 1894 г., ознакомиться с которым мне любезно разрешил его нынешний владелец Н.В. Котрелев, сквородиновское рассуждение о зеркалах, расставленных венцом, жирно отчеркнуто на полях³.

Литература

1. *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / подг. текста и коммент. Дж. Мальмстада. М.: РИК «Культура», 1992. 431 с.
2. *Гомер.* Илиада / пер. Н.И. Гнедича; изд. подг. А.И. Зайцев. Л.: Наука, 1990. 572 с.
3. *Гоголь Н.В.* Сочинения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. 639 с.

² Эта проблематика подробно рассмотрена в: [16].

³ Подчеркнуто в упомянутом фрагменте также фраза: «Однако же телесный наш болван и сам есть едина токмо тень истинного человека». На полях подле отчеркивания – замечание: «соотн.[ошение] двух миров».

4. [Сковорода Г.С.] Сочинения Григория Саввича Сковороды, собранные и редактированные проф. Д.И. Багалеем. Юбилейное издание (1794–1894 гг.). Харьков, 1894. С. XXXI. 352 с.
5. *Сковорода Григорій*. Повна академічна збірка творів / за ред. проф. Леоніда Ушкалова. Харків: Майдан, 2010. 1400 с.
6. *Иванов Вяч.* Предисловие к посмертному изданию «Тридцати трех уродов» // Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три урода: Роман, рассказы, эссе, пьесы. М.: Аграф, 1999. С. 439–443.
7. *Эрн В.Ф.* Природа мысли // Богословский вестник. 1913. Т. 1. № 4. С. 803–843.
8. *Марченко О.В.* Эрн Владимир Францевич // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 613–616.
9. [Марченко О.В.] В.Ф. Эрн: Борьба за Логос // История русской философии. М.: Республика, 2001. С. 491–497.
10. *Иванов Вяч. Ив.* Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов Вяч. Собрание сочинений: В 4 т. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 295–306.
11. *Эрн В.Ф.* Природа научной мысли. Сергиев Посад, 1914. 48 с.
12. *Марченко О.В.* Обмененный взгляд: к истории творческих отношений Вячеслава Иванова и Владимира Эрна // Историческое и надвременное у Вяч. Иванова: к 150-летию Вяч. Иванова. Десятая международная конференция / Под ред. М. Плехановой, А. Шишкина. Салерно, 2017. С. 267–276.
13. *Марченко О.В.* К вопросу о критике «ratio» В.Ф. Эрном // Философия и культура в России: методологические проблемы. М.: ИФ РАН, 1992. С. 83–90.
14. *Martchenko O.* Le thème du “rationalism” de la Nouvelle Europe chez Pavel Florenski et Vladimir Èrn: quelques aspects // Pavel Florensky et l’Europe. Sous la direction de Florence Corrado-Kazanski. Bordeaux: MSHA, 2013. P. 47–60.
15. *Марченко О.В.* Круглое мышление (об одном понятии у Флоренского и Эрна) // «Философствовать в религии»: материалы конференции, посвященной столетию выхода книги «Столп и утверждение Истины» о Павла Флоренского / [сост. К.М. Антонов]. М.: ПСТГУ, 2017. С. 64–74.
16. *Ушкалов Л.В., Марченко О.В.* Нариси з філософії Григорія Сковороди. Харків: Основа (ХДУ), 1993. 152 с.

References

1. Ivanova L. Memories. About my father. Malmstad Dzh., prep., comm. Moscow: RIK “Kul’tura” Publ.; 1992. 431 p. (In Russ.)
2. Homer. Ilyad. Gnedich NI., transl.; Zaitsev AI., prep. Leningrad: Nauka Publ.; 1990. 572 p. (In Russ.)
3. Gogol NV. Works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: GIKhL Publ.; 1959. 639 p. (In Russ.)
4. Skovoroda GS. Works of Grigory Savvich Skovoroda, collected and edited by prof. DI. Bagaley. Anniversary Edition (1794–1894). Khar’kov, 1894. p. XXXI. 352 p. (In Russ.)

5. Сковорода Григорій. Повна академічна збірка творів / за ред. проф. Леоніда Ушкалова. Харків: Майдан, 2010. 1400 с. (In Ukrainian)
6. Ivanov Vyach. Preface to the posthumous edition of "Thirty-three freaks". V: Zinov'eva-Annibal LD. Thirty-three freaks. Novel, stories, essays, plays. Moscow: Agraf Publ.; 1999. p. 439-43. (In Russ.)
7. Ern VF. The Essence of thought. *Bogoslovskii sbornik*. 1913;1:803-43. (In Russ.)
8. Marchenko OV. Ern Vladimir F. V: Russian philosophy. Small encyclopedic dictionary. Moscow: Nauka Publ.; 1995. p. 613-16. (In Russ.)
9. [Marchenko OV.] V.F. Ern: the Struggle for the Logos. V: History of Russian Philosophy. Moscow: Respublika Publ.; 2001. p. 491-497. (In Russ.)
10. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Brussel, 1979. Religious Cause of Vladimir Solovyov. Vol. 3. p. 295-306. (In Russ.)
11. Ern VF. The Essence of scientific thought. Sergiev Posad, 1914. 48 p. (In Russ.)
12. Marchenko OV. A glance exchanged. On the history of creative relations of Vyacheslav Ivanov and Vladimir Ern. V: Plyukhanova M., Shishkin A., eds. Historical and super-temporal in V. Ivanov. Towards the 150th anniversary of V. Ivanov. Tenth International Conference. Salerno, 2017. p. 267-76. (In Russ.)
13. Marchenko OV. On the V.F. Ern's criticism of "ratio". V: Philosophy and Culture in Russia. Issues of methodology. Moscow: IF RAN Publ.; 1992. p. 83-90. (In Russ.)
14. Marchenko O. Le thème du "rationalism" de la Nouvelle Europe chez Pavel Florenskii et Vladimir Èrn: quelques aspects. Pavel Florenskii et l'Europe. Sous la direction de Florence Corrado-Kazanski. Bordeaux: MSHA, 2013. p. 47-60.
15. Marchenko OV. Round thinking (about one concept of Florenskii and Ern). V: [Antonov KM., comp.]. "Philosophizing in Religion". Proceedings of the conference devoted to the centenary of the publication of the book "The Pillar and Affirmation of Truth" by Fr. Pavel Florenskii. Moscow: PSTGU Publ.; 2017. p. 64-74. (In Russ.)
16. Ушкалов Л.В., Марченко О.В. Нариси з філософії Григорія Сковороди. Харків: Основа (ХДУ), 1993. 152 с. (In Ukrainian)

Информация об авторе

Олег В. Марченко, доктор философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; o.v.marchenko@mail.ru

Information about the author

Oleg V. Marchenko, Dr. in Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; o.v.marchenko@mail.ru